

10945

НАШ POSTER

В ЭТОМ ПРАВО СТРЕЛЫ

Когда-то БГ говорил, что в действительности наступит мир и тишина, все будут заниматься своим делом и никто никому не будет мешать.

Видимо, эта фраза — выражение его тайной мечты. Мешали ему постоянно, спрашивая о творческих планах, прося объяснить песни, пытаясь узнать, что он думает об искусстве и о жизни вообще... Поклонники, которые с каждым годом все прибывало, испробовали подъезд, орали на концертах, отращивали длинные волосы, думая, что он хиппи, и носили тельняшки, думая, что он митак. Но в песнях своих БГ всегда был один. Не говорил: «Мы вместе», никогда не предлагал спеть вместе с ним. Это был свой мир, свои образы, действительно аквариум, когда сквозь стекло и воду видно находящегося внутри и они кажутся доступными и понятными, но сам ты не можешь проникнуть туда, а если попадешь, то не сможешь там жить.

Но почему-то все считали, что они могут там жить. И старались разбить стекло, расплескать воду, узнать все, вплоть до личной жизни, из песен ли, из интервью ли. Но не обращали внимания на строку БГ: «И с той стороны стекла я искал то, чего с этой нет». А с этой для него не было почти ничего.

Зато с этой стороны были фанаты, писавшие «ноты протеста», когда он уехал в Штаты, не желавшие признавать трилистники, называвшие его Боренькой и Боришкой и иногда не знавшие даже его песен. С этой стороны была внезапно свалившаяся и очень тяжелая слава, когда всякий считал своим долгом выпить с ним или на худой конец взять интервью...

БГ хотел пить. Слава мешала это делать, и этого никто не понимал. И «Наши торгуют», и «Козлы», и «Покорение дворников» — песни о невозможности возврата старого и полном отсутствии нового. Жизнь медленно замыкала круг, переминая то, что находилось за той стороной стекла, и то, что существовало за этой, Бог звал к себе, он был единственным светом, оставшимся в конце тоннеля. И БГ не мог не прийти к нему. «Я буду писаться совсем один, с двумя-тремя друзьями, мирно, до самых седин...» Этого опять не поняли. Услышав слова «Святые, заступитесь за нас!» и маха-мантру в «Вана Хойе», фанаты так же безоглядно бросились следом и, осеклись. Кому-то стало неинтересно — церковный бум уже прошел, крестики и так все носили, а верить никто не верил, кто-то понял, что это всерьез и туда не стоит лезть.

Осталась тоска по прошлому — как бродишь иногда по развалинам старого города и с печалью смотришь на растущий рядом новый с немного изменившимся названием. «Когда мы были молоды, мы все носили бороды, мы все растили волосы и пели ясным голосом. Теперь другой расклад, дороги нет назад» — это не БГ, это Гунницкий, но, Господи, как это подходит к нашему времени!

Не плачьте. Вы ничего не знаете. Оставьте творящим творчество, а сплетни тем, кто их придумывает. У нас останется свой свет спокойной любви, такой же сильной, как первая, и такой же безнадёжной, как последняя.

Группа существует, ее руководитель на месте, голос его остался таким же родным, на концерты по-прежнему помнится толпа поклонников, и 27 ноября у БГ день рождения.

Почему-то очень многие, писавшие о нем, всегда упоминали о возрасте. То ли желая сказать, что уже так много успел, то ли — что еще так много успеет. Я не буду поздравлять Бориса Гребенщикова с каким-либо летием. Дело не в возрасте. Главное — делал ли человек то, что он хотел, и делает ли сейчас то, что хочет. «Все, что я хотел, — я хотел петь!» Он поет.

...По своему пути идет мальчик. Он до сих пор влюблен, он идет мимо объяснений причин, мимо объяснений грехов, мимо разбитого сердца...

Мимо нас.

Жанна Сергеева.